

В последнее время у известного советского драматурга Леонида Зорина вышли две книги прозы — «Старая рукопись» и «Нервная жизнь». Первая, изданная «Советским писателем», рассказывает о ценности человеческих отношений, о любимом деле, о поисках своего места в жизни. Вторую книгу (издательство «Правда») составили юмористические рассказы писателя, неоднократно появлявшиеся в периодике.

И сегодня писатель продолжает работать над новой прозой. Но ведь Л. Зорин — автор 33 драматических произведений, опубликованных или поставленных у нас в стране и за рубежом, среди которых — «Варшавская мелодия», «Покровские ворота», «Декабристы», «Медная бабушка», «Царская охота»... Так что в первую очередь беседа писателя с корреспондентом коснулась драматургии.

Что же касается проблематики, которая меня занимает в нашей жизни, то я, как все литераторы, ищу ее болевые точки или же ее черты, в той или иной мере определяющие. В романе «Старая рукопись» — это все крепнущая потребность сегодняшнего человека осмыслить себя как часть истории. В повести «Алексей» — характерные особенности «поколения сорокалетних», слишком задержавшихся в молодости и тем драматичнее постигающих непридуманные, истинные ценности. В новом романе «Странник» — место народного творчества в художественном процессе и в общественной жизни. (Фрагменты из него публикует журнал «Театр»).

— Сейчас много говорят о молодой драматургии, о так называемой «новой волне». Что вы могли бы о ней сказать?

— Это своеобразное, ин-

СЮЖЕТ ИДЕИ

Рассказывает Леонид ЗОРИН

— Леонид Генрихович, вы однажды сказали, что «сюжет всегда дешевит тему». Безусловно, серьезному писателю мысль дороже сюжетных перипетий. Это же замечал и Шукшин. Но в устах драматурга такое утверждение звучит несколько парадоксально. Ведь в драме действие — движущая пружина...

— И драматург может быть «серьезным писателем». Хотя театр, вы правы, время от времени энергично этому сопротивляется. Речь тогда шла о тех произведениях для сцены, где все внимание авторов было отдано разработке интриги — само собой разумеется, им было не до концептуальности.

Но есть и другой сюжет — сюжет развития мысли, сюжет поиска ответа на тот или иной значительный вопрос, который ставит перед тобой жизнь. К этому «сюжету идеи» я и в юности и, тем более, ныне относился и отношусь с уважением. Он не существует вне темы, он — ее составная часть.

— Что вы ищете в современных характерах и в своих обращениях к истории? Какие узлы современной жизни занимают вас больше всего?

— Люди, характеры, проблемы — различны, но еще больше между ними общего. И не только, когда они соприкасаются по веку. Важно определить эти связи.

Есть темы, принадлежащие современности в той же мере, в какой они принадлежат истории. Они отчетливо обнаруживают, как исторична современность и, напротив, как современна история. Поэтому их называют «вечными». Но вечные темы — не застывшие, не одни и те же на все времена. В разные эпохи мы и в истории обнаруживаем те же проблемы, в которых бьется нерв современной жизни. Мы видим, как относительно грань между людьми, населявшими эту землю в незапамятные времена и обитающими на ней сегодня.

Вот почему, когда я обращаюсь к образам Диона, Фонвизина, Пушкина, Бараташвили, я прежде всего ищу то, что их роднит друг с другом и с нами.

Интересное явление. Молодая драматургия с большой точностью умеет фиксировать повседневную жизнь — это большое ее достоинство. Есть у нее и свои проблемы — ей меньше удается осмыслить эту жизнь. Впрочем, мне, должно быть, известны далеко не все новые пьесы.

— Уже длительное время вы работаете над прозой. Значит, не только поэта, но и драматурга «года к суровой прозе клонят»?

— В моих пьесах неизменно усматривали повествовательное начало, этакую «смысловую перегрузку», нежелание считаться с законами сцены. Пожалуй, эти наблюдения имеют под собой почву. Да и я всегда говорил о том, что пьеса должна прежде всего выдержать испытание чтением. Постепенно пьесы мои становились пьесами для чтения, а от них до прозы — рукой подать...

— Подзаголовок повести «Алексей» — «Современные диалоги». Она была промежуточным звеном?

— Возможно. Я очень ценю диалог. Он с достаточной полнотой обрисовывает характер (если, конечно, он точно написан). В этом смысле «Алексей» — своеобразный гибрид двух жанров.

Но теперь за плечами уже два романа, повести и рассказы. Так сказать, чистая проза.

— Есть ли у вас постоянный круг чтения?

— Я из племени книголюбив, читаю все свободное время. Разумеется, с наибольшей активностью — те книги, которые связаны с моей работой, но есть такие, к которым возвращаюсь всегда, на протяжении многих лет. Прежде всего это письма Чехова, письма Томаса Манна, Гоголь, Бунин.

— Появятся ли у вас в ближайшее время новые книги? Над чем вы трудитесь?

— «Странник» передан в издательство. Только что закончил повесть «Прощальный марш». Тематически она предваряет «Старую рукопись». Готовлюсь к новому подъему — роману, надеюсь приступить к нему весной.

Лидия МЕШКОВА.

В последнее время у известного советского драматурга Леонида Зорина вышли две книги прозы — «Старая рукопись» и «Нервная жизнь». Первая, изданная «Советским писателем», рассказывает о ценности человеческих отношений, о любимом деле, о поисках своего места в жизни. Вторую книгу (издательство «Правда») составили юмористические рассказы писателя, неоднократно появлявшиеся в периодике.

И сегодня писатель продолжает работать над новой прозой. Но ведь Л. Зорин — автор 33 драматических произведений, опубликованных или поставленных у нас в стране и за рубежом, среди которых — «Варшавская мелодия», «Покровские ворота», «Декабристы», «Медная бабушка», «Царская охота»... Так что в первую очередь беседа писателя с корреспондентом коснулась драматургии.

Что же касается проблематики, которая меня занимает в нашей жизни, то я, как все литераторы, ищу ее болевые точки или же ее черты, в той или иной мере определяющие. В романе «Старая рукопись» — это все крепнущая потребность сегодняшнего человека осмыслить себя как частицу истории. В повести «Алексей» — характерные особенности «поколения сорокалетних», слишком задержавшихся в молодости и тем драматичнее постигающих непридуманные, истинные ценности. В новом романе «Странник» — место народного творчества в художественном процессе и в общественной жизни. (Фрагменты из него публикует журнал «Театр»).

— Сейчас много говорят о молодой драматургии, о так называемой «новой волне». Что вы могли бы о ней сказать?

— Это своеобразное, ин-

СЮЖЕТ ИДЕИ

Рассказывает Леонид ЗОРИН

— Леонид Генрихович, вы однажды сказали, что «сюжет всегда дешевле теме». Безусловно, серьезному писателю мысль дороже сюжетных перипетий. Это же замечал и Шукшин. Но в устах драматурга такое утверждение звучит несколько парадоксально. Ведь в драме действие — движущая пружина...

— И драматург может быть «серьезным писателем». Хотя театр, вы правы, время от времени энергично этому сопротивляется. Речь тогда шла о тех произведениях для сцены, где все внимание авторов было отдано разработке интриги — само собой разумеется, им было не до концептуальности.

Но есть и другой сюжет — сюжет развития мысли, сюжет поиска ответа на тот или иной значительный вопрос, который ставит перед тобой жизнь. К этому «сюжету идеи» я и в юности и, тем более, ныне относился и отношусь с уважением. Он не существует вне темы, он — ее составная часть.

— Что вы ищете в современных характерах и в своих обращениях к истории? Какие узлы современной жизни занимают вас больше всего?

— Люди, характеры, проблемы — различны, но еще больше между ними общего. И не только, когда они соседи по веку. Важно определить эти связи.

Есть темы, принадлежащие современности в той же мере, в какой они принадлежат истории. Они отчетливо обнаруживают, как исторична современность и, напротив, как современна история. Поэтому их называют «вечными». Но вечные темы — не застывшие, не одни и те же на все времена. В разные эпохи мы и в истории обнаруживаем те же проблемы, в которых бьется нерв современной жизни. Мы видим, как относительно грань между людьми, населявшими эту землю в незапамятные времена и обитающими на ней сегодня.

Вот почему, когда я обращаюсь к образам Диона, Фонвизина, Пушкина, Бараташвили, я прежде всего ищу то, что их роднит друг с другом и с нами.

тересное явление. Молодая драматургия с большой точностью умеет фиксировать повседневную жизнь — это большое ее достоинство. Есть у нее и свои проблемы — ей меньше удается осмыслять эту жизнь. Впрочем, мне, должно быть, известны далеко не все новые пьесы.

— Уже длительное время вы работаете над прозой. Значит, не только поэта, но и драматурга «года к суровой прозе клонят»?

— В моих пьесах неизменно усматривали повествовательное начало, этакую «смысловую перегрузку», нежелание считаться с законами сцены. Пожалуй, эти наблюдения имеют под собой почву. Да и я всегда говорил о том, что пьеса должна прежде всего выдержать испытание чтением. Постепенно пьесы мои становились пьесами для чтения, а от них до прозы — рукой подать...

— Подзаголовок повести «Алексей» — «Современные диалоги». Она была промежуточным звеном?

— Возможно. Я очень ценю диалог. Он с достаточной полнотой обрисовывает характер (если, конечно, он точно написан). В этом смысле «Алексей» — своеобразный гибрид двух жанров.

Но теперь за плечами уже два романа, повести и рассказы. Так сказать, чистая проза.

— Есть ли у вас постоянный круг чтения?

— Я из племени книголюбцев, читаю все свободное время. Разумеется, с наибольшей активностью — те книги, которые связаны с моей работой, но есть такие, к которым возвращаюсь всегда, на протяжении многих лет. Прежде всего это письма Чехова, письма Томаса Манна, Гоголь, Бунин.

— Появятся ли у вас в ближайшее время новые книги? Над чем вы трудитесь?

— «Странник» передан в издательство. Только что закончил повесть «Прощальный марш». Тематически она предваряет «Старую рукопись». Готовлюсь к новому подъему — роману, надеюсь приступить к нему весной.

Лидия МЕШКОВА.